

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
 Voennyi Sbornik
 Has been issued since 1858.
 ISSN: 2309-6322
 Vol. 5, No. 3, pp. 167-174, 2014

DOI: 10.13187/issn.2309-6322

www.ejournal6.com

UDC 94

The Notes of a Commandant's Service Company Commander

Ilya P. Klyushnik

The Sochi Great Patriotic War Veterans Society, the Russian Federation

Abstract

The "Notes" feature memoirs by the Commander of the Commandant's Service Company of the 395th Miners' Rifle Division in World War II. The author addresses battles at the approaches to the town of Tuapse and shares an insight into the everyday life of soldiers and officers in the Red Workers' and Peasants' Army. Of special significance in the memoirs are materials on the use of "stone-throwers" – a ruse of war employed by the Russian soldiers. The manuscript is being published for the first time.

Keywords: commandant's service company; 395th Miners' Rifle Division; hostilities; court martial; Ilya Petrovich Klyushnik; memoirs.

Бои 395-й шахтерской стрелковой дивизии северо-восточнее города Туапсе, г.Котх, гора Кочкана

После ранения в июне 1942 года, находился в госпитале в ст. Назрань, крепости «Шатил». Фашисты подходили к Прохладной. Госпиталь эвакуируют. Досрочно выписываюсь из госпиталя, в свою 176-ю стрелковую дивизию, она ведет бои под городом Новороссийск. Предстоит путь: Баку, Тбилиси, Сухуми, Сочи, до поселка Вишневка где был отдел кадров штаба Черноморской группы войск. В отделе кадров меня направляют не в 176 стрелковую дивизию, а 395-ю шахтерскую стрелковую дивизию*, в разведроту дивизии. Штаб дивизии расположен в х. Ширанка, полки разбросаны от Фанагорийской, Безымянной, гора Котх. Полки ведут бои с авангардом фашистов. Вся надежда на подход наших частей.

В первую же ночь пошли в разведку – за «языком». Рота малочисленна. Красноармейцы измотаны быстрым отступлением, чтобы занять выгодные рубежи, а тут без отдыха и сразу в разведку. Там где днем мы видели фашистов, ночью никого не обнаружили. Возвращаемся назад. Еще темно. Слышим, нас сзади догоняет мотоцикл. Быстро залегли, натянули проволоку, зацепили за деревья, дорога проселочная и очень узкая. Не успели опомниться, как фашиста снесло проволокой с мотоцикла, он лежит на дороге и что-то кричит. Захватываем второго фашиста в коляске мотоцикла, он взрывает гранату в руках, себя покончил и ранил наших двух разведчиков. Фашист, которого снесло проволокой, застрелился. Забираем документы. Мотоцикл не заводится, столкнули его с дороги в лес, а

* Дивизия входила в состав 18-й армии Черноморской группы войск Закавказского фронта РККА. – Редактор ВС.

сами как можно быстрее уходим к своим, ведь до своих еще далеко, а силы у всех на исходе. Губы слипаются, очень хочется пить.

Добрались до своих, решили отдохнуть... По дороге едет какой-то командир на лошади, в сопровождении «свиты». Спрашивает, кто такие, все молчат. Я с палкой в руке докладываю, что группа разведки возвращается в расположение части, из задания. Он кричит на меня, что я с палкой. Командир взвода поясняет, что у меня открытая старая рана и очень беспокоит. Командир слез с коня. Уже другим тоном пояснил, что он командир нашей дивизии, майор Петраковский. Спросил какие наши успехи. Я доложил, что пленных захватить не удалось, но мы забрали их документы, оружие. Командир дивизии поинтересовался моим здоровьем и распорядился обратиться к начальнику штаба дивизии полковнику Янковскому о переводе меня в комендантскую роту дивизии.

Комендантская рота дивизии состоит из ординарцев, коноводов, поваров, парикмахеров, часовых по охране штаба, группы автоматчиков, как резерв комдива.

С подходом других отступающих частей нашу дивизию сосредоточили на хребте Котх. Условия были ужасные, нет ни дорог ни троп, а надо снабжать передний край боеприпасами, питанием. Одна дорога, которая была временно сделана еще до революции, фашисты непрерывно вели по ней минометно-артиллерийский обстрел. Да и дорогой ее нельзя было назвать, по ней уже выросли огромные деревья. Наши саперы срочно стали строить тропы. Строили и днем и ночью. Спустя сутки уже в основном были сделаны тропы. Каждый батальон выделял красноармейцев для доставки боеприпасов и питания с хут. Хатыпс до переднего края. Срочно были созданы, из местных армян, небольшие отряды для доставки боеприпасов на ишаках. У нас сохранилась артиллерия, но нет снарядов, да и расположена она была по долине реки Хатыпс. Нас в основном выручал ротный миномет и гранаты, но их надо было доставлять до Хатыпса из Шаумяна или Тоннельной, а потом красноармейцами до переднего края.

Спустя несколько дней фашисты начали вести разведку боем. Нащупав слабые места, перешли в наступление. Из-за недостаточного количества боеприпасов наши шахтеры-красноармейцы подпускали к себе наступающих фашистов и вступали с ними в рукопашную. Рукопашных боев они не выдерживали и прекратили временно свои наступления, понеся большие потери, да и наши ряды шахтеров уменьшились. Мы стали получать пополнение красноармейцев из Кавказских республик. Они не были подготовлены к такой войне, некоторые из них даже не разу не стреляли из винтовки.

Получаем приказ, дивизию должен принять полковник Рахимов Сабир, а наш комдив майор, герой Финской войны Петраковский идет на повышение, он формировал эту шахтерскую дивизию в г. Луганске.

На правом фланге дивизии никого нет. Там сильный обрыв. Ночью наш дозор прозевал, а точнее проспал. Фашисты сумели окружить два батальона, которые вели почти суточный бой. Шахтеры-красноармейцы почти все погибли, несколько групп сумели прорваться к нам, а остальные попали в плен. За счет резервных сил с трудом удалось восстановить положение. Ежедневно фашисты по 2-3 раза бомбят нашу оборону. Ведут артиллерийский обстрел и ежедневно пытаются прорвать нашу оборону.

Командир дивизии полковник Рахимов с разрешения Командования организует геодезическую разведку для строительства дороги от Хатыпса до Афанасиевого-Постика, через седловину горы Кочкана. Старики армяне с Хатыпса рассказали, что с Хатыпса до седловины горы Кочкана до революции 17 года была сделана временная дорога. Там на выступе заключенные заготавливали какой-то лес.

Мне как замкоменданта штаба дивизии было поручено с одним взводом сопровождать геодезистов. На вьюки лошадей погрузили всю аппаратуру, продукты, воду, колышки для обозначения где будет проходить дорога. За нами идет целый саперный батальон. Они пилили и убрали деревья. Местами сразу же планировали будущую дорогу. Через час мы ушли — точнее оторвались от саперного батальона, прорубали заросли, чтобы прошли лошади.

Только на четвертые сутки мы добрались до большого ровного выступа, откуда предстояло нам начать подъем на Кочкана. Здесь мы заметили несколько деревянных рубленых домиков, очень маленьких, приблизительно размер 3х4. Стали ощущать дымный запах. Остановились, сделали разведку. Видно было, что домики построены очень давно.

Нижние срубы погнили. Окна оказались на уровне колена. В каждом домике были люди. Создали на каждый домик группу захвата. Когда одновременно подошли к домикам, нам никакого сопротивления. В каждом домике было по 6-7 наших солдат. Оказалось это наши дезертиры. Пока у них были патроны они вели охоту, патроны закончились и они уже поели все шкуры убитых зверей. Худые ужасно. Некоторые уже не поднимались. Мы им оставили консервов, хлеба, соли. Санинструктор разъяснил им как надо начинать принимать пищу. Вода у них была, рядом родник. Мы забрали у них оружие. Оставили двух часовых. Двух красноармейцев отправили с донесением в штаб. Их судьбу я не знаю, так как после Кочкана и Афанасиевского-Постика мы все вернулись по дороге, вдоль речки до самого Хатыпса, в штаб. Срочно саперы стали строить дорогу через седловину горы Кочкана. Командование боялось, что фашисты могут захватить дорогу с Хатыпса и наша дивизия вместе с другими артиллерийскими подразделениями может быть отрезана и окружена.

Вскоре фашистам удалось прорвать наш передний край. Ведя ожесточенные бои, дивизия стала медленно отступать. Когда дивизия находилась в тяжелейшем положении, потеряв в боях почти всю свою живую силу, по приказу командира дивизии полковника Рахимова вся комендантская рота, вместе с пополнением, была брошена на передний край, который проходил на горе Кочкана. Роте достался самый сложный участок, седловина горы, где проходила дорога с Хатыпса до Афанасиевского-Постика. С правого фланга роты начинался подъем на сопку, где занимала оборону рота, в которой принимал участие в боях Кондратьев. На второй день боев командир роты капитан Кузнецов получил ранение. По приказу командира 723-го полка я принял роту. Позиция роты была крайне неудобной. Впереди, справа и слева под сопкой находились фашисты. Сзади нас был обрыв, который заминировали наши саперы, противотанковыми минами на фугас. Об этом узнали только командиры. Отступать нам было некуда. На дороге ниже нас в сторону Афанасиевского-Постика стоял заградотряд из полка МВД. Окопы были вырыты только по колено, так как глубже был камень, а у нас кроме саперных лопат ничего не было. Углубляли окопы за счет убитых солдат противника. Да и эти неудобные окопы были залиты водой. Это был октябрь-ноябрь 1942 года. Лили непрерывные дожди с мокрым снегом. К тому же оборона проходила в лесу. Снаряды и мины противника попадая в деревья разрывались и вместе с сучьями выводили из строя красноармейцев еще до атак фашистов.

Да еще нам давали в основном новые противотанковые гранаты, и несмотря на предупреждение об их особом действии, красноармейцы бросая их зацепляли за ветки, и они рвались над головой. Правда спустя несколько дней боев лес был уничтожен фашистами, все смешалось с землей. Даже не осталось хорошей щепки чтобы сесть. Поэтому носами, когда принимали пищу, садились на трупы людей. Ведь чекисты и наши работники СМЕРШ разрешали только два раза в неделю спустить по дороге ниже обороны и похоронить наших убитых, для этого у них были свои люди.

От беспрерывной сырости тело блекло, превращалось в сморщенную губку. От постоянного нахождения без движения некоторые красноармейцы не могли уже передвигаться. В нечеловеческих условиях, при отсутствии нашей артиллерии, недостатка боеприпасов, отсутствия питания (кормили раз в сутки), рота вела ожесточенные бои с превосходящими силами противника, отражая по несколько атак в день.

За 29 суток боев, несмотря на пополнения, рота понесла большие потери. К тому же в роте оказалось 13 изменников Родины, которые ушли на сторону врага. Потом со стороны противника выступали в рупоры, уговаривали нас последовать их примеру. Называли по фамилии всех кого звали, кроме политрука и парторга. Командиру роты обещали виллу в Татрах, если сдаст позицию.

Наша узкая полоска переднего края просматривалась противником с двух сторон. Справа и слева фашисты располагались на возвышенной по отношению к нашей обороне и так близко, что зачастую в пустую банку от консерв фашист закладывал камень с запиской и свободно добрасывал к нам в окоп. Не было возможности даже передвигаться, так как снайперы сразу же охотились. Правда наши снайперы, особенно старшина Попов, тоже давали им знать о себе. Несмотря на все невзгоды, рота продолжала удерживать свой рубеж.

Хочу вспомнить один очень характерный случай одного боя. На самой седловине горы, где проходила дорога, находился наш станковый пулемет. В одной из атак фашистам удалось забросать гранатами наш пулеметный расчет. Второй номер был убит, а первому

разорвало живот. Он бедняга в горячке вскочил, пробежал несколько метров, а кишки его тянулись из окопа до него. Санинструктор Поддубняк Валя вся окровавленная переползла к нему, собрала все его внутренности, сделала ему перевязку. Она знала о его судьбе, но человеческая мораль превыше всего. Эта хрупкая маленькая женщина так много оказала помощи раненым бойцам, проявляя невероятную волю и мужество...

Эта атака фашистов оказалась для нас самой критической из всех атак. Они думали, что вывели из строя наш пулемет. Мне пришлось самому лечь за пулемет и уже в упор уничтожить фашистов.

Я уже писал, что на участке роты это был единственный проход от нас к нам в тыл. Он усиленно охранялся подразделением полка МВД*. Этим проходом мы пользовались для пополнения боеприпасов, питания и отправляли раненых, убитых. Медработник полка МВД проверял каждого раненого и потом их люди забирали наших раненых.

Я несколько раз обращался к командиру подразделения МВД, чтобы он дал разрешение нашим 2–3 бойцам заготавливать дрова для костра, но каждый раз получал отказ. Никому не говоря, я ночью разминировал несколько наших мин. Они были противотанковые, в деревянных ящиках и поставлены на фугас. На рассвете, в одной из воронок от бомбы, разжег костер из одной мины. Как только разгорелся тол, а он при горении сильно дымит, фашисты сразу же стали сильно обстреливать место костра. Но тол имеет свойство, если он загорелся то его потушить невозможно, или он при тушении может взорваться. Горит тол очень долго. Как не пытались фашисты затушить костер, но не могли. Так мы стали по очереди, в минуты затишья, пользоваться костром. Но нас ожидала другая неприятность. Когда нагревалась одежда и тело, начинали давать о себе знать паразиты — вши. А их было у каждого тысячи. Тело начинало чесаться и бойцы раздирали себя местами до крови. Тогда стали снимать с себя нижнее белье, брали за концы и опускали над костром. Паразиты начинали трещать. Потом стряхивали и они сотнями падали в костер. Этими мерами частично спасали себя. С питанием было крайне плохо. Одиннадцать дней не было ни хлеба, ни сахара, ни табака. Давали 175 грамм овсяной муки с остюками в день. Кто эту еду видел в жизни, тот знает что это такое.

С трудом добились разрешения от командира подразделения МВД, под свою расписку и ответственность посылали четырех бойцов за дикими грушами в лес. Каждому красноармейцу доставалась пилотка груш с листьями на сутки. Варили кашу из дубовой коры, ремней, шкур животных. Но пришла опять неприятность, почти все страдали запором кишечника.

Когда нам доставили хлеб, сахар и отличный турецкий табак, все прежде всего принялись за табак. После курения у большинства началась рвота. Получили отравление, в том числе и я... Кто не курил, тот хорошо все перенес.

С боеприпасами стало еще хуже. Артиллерия по-существу бездействовала. Все реки и речушки из-за обильных осадков переполнились. Транспорт остановился. За десятки километров все доставлялось людьми на себе. Саперные части предложили устраивать примитивные камнеметы. Выкапывали по ночам, и все это лежа, ямы до твердого грунта. Сторону ямы, которая обращена к противнику грунт срезали на молу. Внизу укладывали взрывчатку, а сверху сколько можно клали камни. Натягивали от взрывателя две-три проволоки до наших окопов, создавая гарантию целостности проволоки при обстреле. Когда фашисты атаквали нас, мы взрывали «канеметы». Камни летели во все стороны, но больше на фашистов. Эти «канеметы» очень помогали нам...

В одну из ночей на участок роты прибыл батальон 83-й морской бригады, к сожалению численность батальона была меньше нашей роты. Командир батальона был майор Фишер Акба. Батальону была поставлена задача произвести разведку боем на участке роты. Эта неумная затея обошлась гибелью почти большинства батальона и задача не была выполнена. От наших окопов к фашистам был сильный спуск, и обратно пути не будет. Я комбату пояснил: сколько пошлешь моряков в атаку, никто назад не вернется, поэтому чем меньше пошлешь, тем меньше потеряем. Он мне пояснил, что это моряки, а фашисты их боятся и я должен выполнить приказ. Два дня они вели наблюдение, а на третий рано утром разделись и в тельняшках пошли в атаку. Но к большому несчастью, из всех кто

* В период ВОВ действовали подразделения войск НКВД – редактор ВС.

пошел никто не вернулся. Погибли две женщины санинструктора, третью мы ночью вытащили тяжелораненую. Три ночи оставшиеся около нас моряки и часть моих ребят пытались вытащить со спуска хотя бы раненых, но кроме своих потерь ничего не смогли сделать...

Как только расходились облака, над нами начиналась бомбежка, и если позволяла погода, бомбили несколько раз в день. Старший политрук роты Тищенко и парторг, при первой возможности проводили политико-воспитательную работу среди состава роты, безусловно, по группам. Вот в таких условиях наша рота вела ожесточенные бои с противником почти каждый день. А Совинформбюро сообщало: северо-восточнее города Туапсе проходили бои местного значения. Несмотря ни на какие невзгоды, бойцы отражали атаки фашистов, стояли насмерть. Большинство воинов были уверены, что переломный период наступит, что враг будет разгромлен, победа за нами, Родина будет свободной, что Родина оценит их подвиг...

После смены с переднего края все воины и командиры были представлены к наградам, кроме командира роты, политрука и парторга. Они были подвергнуты жестоким допросам работников СМЕРШ за изменников Родины. По приказу 227* командир, допустивший измену Родины хотя бы одним человеком в своем подразделении, должен быть осужден вплоть до расстрела, а у нас 13 изменников. Мы уже знали свою судьбу. Допрашивали часами, кушать почти не давали, держали в открытых окопах, сняли даже шинели. Били ужасно, в блиндаже, где вели допрос, все кругом было забрызгано кровью. Правда меня не били, или потому что я был очень худой и измученный, или что они меня знали когда я был зам. коменданта, но пальцы давили, следы остались на всю жизнь. За несколько дней постоянных допросов наши дела были переданы в суд. Они требовали подписать их документ, что мы враги народа. Однако мы никто его не подписали.

Хочу отметить, что у большинства командиров нашего звена[†] к работникам СМЕРШ было отношение отвратительное, прежде всего потому, что они вели себя вызывающе, нагло, а также у них был дополнительный паек, хотя они не находились на переднем крае. Вызывали к себе людей чем-то ранее себя скомпрометировавших и вербовали их, чтобы они писали доносы на людей по их заданию, напоминали им об их прошлом.

Трибунал состоялся в хуторе Ширинка. В хуторе оставалось целыми только два домика. В одном находился командир дивизии, в другом столовая АХЧ. Завели нас в столовую. На скамьях сидят командиры. Грубо оборвали с нас петлицы, отобрали ремни. Грубо, с негодованием посадили на скамью. Это все делали приближенные люди к СМЕРШ. Прокурор начал читать обвинение. В это время зашел связной отдела кадров и передал записку председателю трибунала. Тот почитал, посмотрел в нашу сторону, ухмыльнулся и передал записку прокурору. Прокурор перестал читать обвинение, прочитал записку и вдруг объявляет: «Лейтенант Клюшник, возьмите своя петлица, ремня и пистолет, идти отдел кадров», он плохо говорил по-русски. Почему-то мой пистолет находился в портфеле председателя трибунала. Не веря еще услышанному, забрал ремень, петлицы и пистолет. В голове промелькнула мысль, что как только выйду на улицу подлежу расстрелу без объявления приговора, ведь и такие случаи были.

До ареста все патроны в обойме пистолета были мной помечены насечками финкой. Захожу за скамьи, где сидят командиры, поближе к двери. Достал пистолет, вынул обойму, на ощупь определяю по насечкам, что патроны мои не были разряжены. По всему телу пробегает дрожь, как будто начинается лихорадка. Мысль в голове «убью первого попавшего при выходе на улицу, все равно мне умирать». Толкаю дверь ногой. Идет дождь. Одиннадцать часов ночи, ничего не вижу. Спускаюсь по трем ступенькам. Пистолет наготове. Думаю, очевидно, за углом дома спрятались те, кто меня убьет. Подхожу к углу дома, никого нет. Кладу пистолет в кобуру и бегом в блиндаж отдела кадров. В отделе кадров узнаю, что в дивизию приехал большой начальник со штаба армии, узнал о трибунале и отменил его. Вопрос об изменниках будет заслушан на военном Совете армии. Я должен прибыть в поселок Псекупс к 10-00 утра. Туда вызваны командир дивизии полковник Рахимов и зам начальника политотдела подполковник Зинченко. Всю ночь пешком под

* Речь идет о Приказе № 227 «Ни шагу назад» – Редактор ВС.

† Имеется ввиду младший офицерский состав – Редактор ВС.

бесперывным дождем добирался до штаба армии. В комендатуре армии мне дали командировочное предписание явиться к 18-00 в штаб Черноморской группы войск, который располагался в курортном поселке Макопсе Лазаревского района.

Для сокращения расстояния и времени надо идти вдоль реки по тропе до поселка Новомихайловский. Это мне посоветовали в комендатуре армии, хотя придется переходить несколько раз реку в брод. Путь оказался значительно ближе, но очень сложный. Ночь, идет постоянно дождь с мокрым снегом, ничего не видно. Из-за сильных дождей река переполнилась, несколько раз с трудом пришлось переходить реку. Пока добрался до Новомихайловки, промок до нитки.

На окраине поселка попросился в небольшой домишко, чтобы выжать белье и одежду хотя бы частично от воды. Увидев меня в каком я состоянии, хозяйка дала согласие на мою просьбу. Она вышла в коридорчик с девочкой, а я привел себя в порядок как мог. Хозяйка покормила меня супом из каштана и крупы кукурузы, узваром из лесных груш и кукурузной лепешкой. В знак благодарности подарил ей два немецких носовых платка, они были значительно больше наших и она с радостью покрыла головку девочке одним платком.

На окраине Новомихайловка КПП*. Предъявил документы и меня сразу же пограничники посадили на машину до Макопсе. Сделал отметку в комендатуре штаба, получил пропуск на заседание военного Совета. Времени до заседания еще было много. Решил пойти к морю в надежде найти что-нибудь покушать. Подошел к железнодорожной будке, постучался, услышал детский голос: «дома никого нет и я дверь не открою». Зашел за дом со стороны моря. Около фундамента сухая полоска земли. С каким-то небывалым удовольствием сел на сухую землю, давно не сидел на сухой земле. Спустя некоторое время слышу запах табака, он идет с окошка подвала будки. В подвале старик чинит рыбацкую сеть. Прошу у него что-либо поесть, пояснил кто я такой. Он угостил меня отварными головами от рыб.

Недалеко от будки впадает в море речушка. Предлагаю старику забросить сеть и поймать рыбы. Он дает согласие, только немного позже, потому что гражданским запрещено выходить в море, он ловит только ночью. Уговорил его, что он ляжет в лодку, будет выбрасывать сеть, а я управлять лодкой. Первый заброс неудачный, ничего не поймали. Подплыл ближе к впадению реки в море и снова забросил сеть, но вытащить не можем. Он ругается, обвиняя меня что зацепил за корягу. Начали тащить вдвоем. Оказался очень удачный улов, в основном крупный лобань. После рыбалки старик поставил на стол чугунок с отварной рыбой, но уже срединки. Я много ее поел, но без хлеба кажется желудок пустым, да и зубы хотят что-то пожевать. На прощание старик дал мне крупного лобаня.

Военный Совет перенесли с 18-00 на 24-00. решаю пойти к столовой с надеждой выпросить покушать. Подхожу с тыльной стороны столовой, в это время открывается дверь, выходит работник столовой за дровами. Даю ему рыбу и прошу покушать. Он принес больше чем половина котелка каши гречневой и грамм 500 хлеба. Сел я на дрова и все съел. Почувствовал сытость, лег на дрова и уснул. Проснулся, на лицо капает дождик. Посмотрел на часы — 23-40. бегом в комендатуру. Там меня уже разыскивают. Посчитали, что я удрал. Но когда увидели меня, все успокоились.

Вначале военный Совет проходил в узком кругу, рассматривались какие-то секретные вопросы. Потом был рассмотрен вопрос о присвоении 30-й Иркутской стрелковой дивизии звания — 55-я гвардейская. Вторым вопросом рассмотрено, что в одном из батальонов какой-то части ушел писарь к фашистам. Оперативник штаба армии сделал информацию о ЧП в роте. Выступил комдив полковник Рахимов, в основном обвинял меня. После него выступил замполит дивизии подполковник Зинченко. Он столько лил грязи и обвинил меня врагом народа, я должен быть расстрелян. Мое выступление было кратким и конкретным, и признаю ли я себя виновным. Начал отвечать на вопросы. Стою по стойке смирно. Грязный, мокрый, заросший. Шинель порвана, побита осколками. Сапоги только голенища, ноги обмотаны кусками брезента и завязаны кабелем. На коленях дырки в брюках и кальсонах и все в грязи. В это время заходит адъютант командующего — генерала Петрова Ивана Ефимовича и обращается к Кагановичу Лазарю Моисеевичу, что по прямому проводу вызывает Сталин. На вопрос Петрова — Кагановичу, его мнение по моему вопросу, ответил

* Контрольно-пропускной пункт.

кратко: «командир задачу выполнил, рубеж удержал, где были политработники и работники СМЕРШ?». Со всеми попрощался и подал мне руку! Я был в восторге! Как только Каганович вышел (он был представитель Ставки), Петров резко ударил кулаком по столу и обратился к комдиву Рахимову: «Рахимов, Вы хотите обвинить и отыграться на юноше, все свалить на его плечи? Не пройдет!» он очень ругал Рахимова, но больше досталось замполитотдела дивизии Зинченко. Другие члены военного Совета сделали им полный разнос. Они не ожидали такого оборота...

Военный Совет закончился в пять часов утра 3 декабря 1942 года. Командующий генерал Петров пригласил всех на ужин, хотя это уже было время к утру. Ко мне на ходу подошел полковник Рахимов и произнес: «Ты не ходи столовая, у тебя столько ползает вша». Рядом со мной идущий бывший комбат грубо произнес: «пошел он... пойдем, лейтенант, в столовую». Столовая располагалась в бывшей столовой дома отдыха. Столы на четыре человека, накрыты белыми скатертями. Каждому по стакану сухого вина, острая закуска, первое, второе блюда и компот. Нам официантки вместо компота дали еще сухого вина, я правда, отказался пить, побоялся что буду нетрезв. Комбат выпил и мой стакан вина, и громким голосом говорит, что за всю войну первый раз кушает за столом, теперь ты видишь как кому достается война. Многие повернули головы в нашу сторону! В это время подходит к нашему столу полковник Рахимов и говорит: «комендант, обеспечьте мне машина до Новомихайловской». Я приподнялся и произнес: «есть обеспечить машиной», хотя в голове промелькнула мысль, что кроме вшей у меня ничего нет, ни прав, ни возможностей.

Вышел из столовой, еще темно. Направился к проходной. У шлагбаума стоят полковые машины. Подхожу к последней, постучал в окно. Откликнулся водитель: «Кого надо?». Произношу приказным тоном, что адъютант командующего приказал отвести командира дивизии и его зама до Новомихайловска. Слышу в ответ: «Приказал, так отвезу». Сам думаю, наврал же я, никакого приказа не было, но дальше фронта не пошлют.

Быстро возвращаюсь к комдиву. Докладываю: «Товарищ полковник, машина подана, находится у проходной». Они быстро собрались. Закрываю переднюю дверь за Рахимовым и пытаюсь сесть на заднее сиденье машины, ведь на сиденье один Зенченко. Слышу голос Рахимова: «комендант, ты с нами не поедешь, завтра должен быть в дивизии».

Уехала машина. Сел на камень у шлагбаума и начал в душе чертыхаться на несправедливость в жизни. Решил выйти из зоны штаба на дорогу Сочи-Туапсе и попутными добраться до Новомихайловской. Машин идет много, но никто не берет. Прошел пешком километров пять. Сбоку дороги стоит трехосный двухтонный грузовик. Водитель монтирует колесо. Кабина деревянная, правая дверь закручена проволокой, не держит замок. Машина загружена ящиками небольшого размера. Смонтировали колесо. Через дверь водителя забрался в кабину. Ну, думаю, хоть здесь повезло. Доехали к нефтегородку Туапсе, до речки метров 200–300. Слышу вой пикирующего самолета. Водитель выключил зажигание и быстро удалился из машины. Пока я перебирался мимо руля водителя автомобиля, начали рваться бомбы. Швырнуло меня взрывной волной в кювет дороги. Стали сыпаться с машины ящики, куски земли, ветки деревьев. Открываю глаза, какое-то приведение, вижу колбасу. Протираю рукавом глаза, опять вижу кругом лежит колбаса. Засовываю колбасу в карманы, в голенище сапог, за пазуху, и, несмотря на то, что крепко досталось ящиком по спине, бегом к речке. Самолеты снова заходят с моря для бомбежки, но начали бомбить порт.

Спустя некоторое время снова пошли машины к фронту. Прошусь, но никто не берет. Потом сообразил. Поднимаю одну колбасину. Первый же водитель остановился. Даю ему колбасу и прошусь до Новомихайловской. Он меня с удовольствием берет.

В Новомихайловском решил отблагодарить женщину, которая меня приютила и накормила днем раньше. Дома ее не оказалось. Привязал к замку двери два круга колбасы, накинул тряпку, чтобы не видно было колбасу и ушел.

Всю дорогу до дивизии шел снег с дождем. Добрался до штаба мокрый, усталый, почти совсем босой, но довольный результатом Военного Совета. С упоением рассказываю красноармейцам, окружившим меня, как проходил Военный Совет. В это время заходит связной прокурора дивизии и вручает мне повестку, в 23-00 явится на суд. Мысль в голове, что значит решили устроить надо мной расправу. Старшина роты с этой повесткой побежал

к начальнику штаба дивизии полковнику Янковскому. Это изумительно добрый человек, к нему мог обратиться любой, и он всегда давал умный, добрый совет. Он порекомендовал старшине обратиться к замкомдиву полковнику Санюку. Санюк позвонил комдиву Рахимову. Комдив приказал мне явиться к нему с повесткой. Прочитав повестку, комдив приказал адъютанту вызвать к нему прокурора. По прибытии прокурора комдив его очень ругал, оскорблял, что он нарушитель законов и должен выполнить приказ Военного Совета, который будет получен. Таким образом я был освобожден от трибунала и приступил к исполнению обязанностей коменданта штаба дивизии и командира комендантской роты.

Трибунал состоялся – политрука и парторга осудили. Когда я стал адъютантом комдива, я пытался разыскать политрука роты и парторга. Парторга я нашел в штрафной роте и сумел его забрать в комендантскую роту дивизии, а политрука не смог найти. После войны пытался найти его, но безуспешно...

УДК 94

Записки командира комендантской роты

Илья Петрович Ключник

Общество ветеранов Великой Отечественной войны г. Сочи, Российская Федерация

Аннотация. В «Записках» представлены мемуары командира комендантской роты 396-й шахтерской стрелковой дивизии периода Великой Отечественной войны. Уделено внимание боям на подступах к Туапсе, повседневной жизни солдат и офицеров Рабоче-крестьянской Красной армии. Особое значение в мемуарах имеют материалы об использовании «камнеметов» – элементов военной хитрости. Рукопись публикуется впервые.

Ключевые слова: комендантская рота; 395-я шахтерская стрелковая дивизия; боевые действия; трибунал; Иван Петрович Ключник; мемуары.